

Продолжаем публикацию материалов в нашей традиционной рубрике. С просьбой высказаться на страницах газеты на этот раз корреспондент «ЛГ» Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ обратился к Ираклию АБАШИДЗЕ.

Фото Г. МАХУЦРИШВИЛИ (ЛАС)

Ираклий АБАШИДЗЕ:

ЧТОБ МЫСЛЬ ОЖГЛА...

ДОЛЖНО быть, годы берут свое. В последнее время бывает, что в поисках нужной бумажки или письма выдвину ящик стола и уже не могу заставить себя оторваться. Кажется, даже бездушная мебель сопротивляется тому, чтобы выдвинутый ящик был водворен обратно. Конверты, плотно утрамбованные с годами, исписанные листы, выцветшие фотографии вдруг расправляются, ощутив свободу, и никакими силами их на прежнее место уже не вернуть. Впрочем, я особенно и не стараюсь. Глаз остановится на чем-то позабытом, рука сама вытаскивает сложенный листок из конверта.

«Дорогой Ираклий, посылаю тебе два перевода твоих стихов: «Не забудь тебе, грузин...» и «Все песни». Ты мог бы, конечно, взять их в издательство у Бесо, но мне доставляет удовольствие посылать тебе лично эти переводы, как доставила удовольствие сама работа над ними. Как-то случайно так получилось, что до сих пор я тебя не переводил, но представить свою книгу переводов без твоих стихов я не могу...»

Какая знакомая подпись «Сердечно обнимаю. Н. Тихонов». Да, это «неопубликованный» Тихонов, но для меня прежде всего это дорогая память о друге, соратнике. И еще это свидетельство времени. На конверте — зеленая марка с советским солдатом в каске и с винтовкой через плечо. Дата — 20 июня 1947 года. 35 лет прошло, подумает только! Половина жизни! Мы, конечно, не предполагаем в те далекие годы, что создаем историю советской литературы. Мы просто жили, писали стихи и письма, дружили, встречались в залах заседаний и на приятельских застольях.

Наша молодость была молодостью советской литературы. Их называют основоположниками, а ведь какими молодыми были в ту пору Маяковский и Есенин, Фурманов и Шолохов, Фадеев и Тихонов, Сурков и Пастернак... Александр Блок, которого мы считаем полпредом русской классики в советской поэзии, едва достиг сорокалетнего рубежа — а ведь в этом возрасте сейчас ездят на семинары молодых...

Поэзия, литература, искусство — дело молодых. «Стихи и юность» — их разделить нельзя, их одним чеканом чеканили» (Г. Леонидзе). Я и мои сверстники, утешая себя сейчас, порой добавляем: молодых духом, творчески молодых. Да, это так. И тем не менее бывает, глянешь из президиума, где сидишь с мэтрами, в зал и незвольно повторяешь шутку одного современного поэта на большом литературном форуме — вспомнив слова Маяковского «Иду — красивый, двадцатидвулетний», он сказал: «Красивых здесь и сейчас много, но где двадцатидвулетние?»

Проблема поэтической сменности не может не волновать. Талантами наша советская литература не оскудела, молодые берутся о себе поначалу весьма заметно. А дальше, когда ждешь больших свершений и открытий, они не всегда оправдываются. В чем дело? Кто виноват в том, что ожидание затянулось так надолго? Кажется, условия созданы, лучшее не пожелайся. Молодым обеспечена постоянная поддержка. Они немало ездят по стране и за ее пределами. Издают книги... Не хочу быть

причисленным к брющажам старикам. Больше того, порой думаю: не мы ли сами и виноваты?

ПОЭЗИЯ во многом изменилась. Сегодня уже невозможно в тысячный раз повторять: как я радуюсь весеннему утру. И дело даже не в том, что на тысячу первый раз ничего нового о весеннем утре не скажешь. Просто сейчас время требует от поэта не только новых метафор и рифм, но — главное — новых открытий в глубинах человеческих душ — «чтоб мысль ожгла...». Время требует от поэтов, чтобы дни ответили на главные вопросы современности: что ждет нашу планету? Что ждет человека и человечество? Отмахиваться от этих вопросов — значит дезертировать не только с гражданского, но и с литературного фронта.

В наш грозный век литература, искусство напоминают Венецию, которой грозит гибель и которая нуждается в спасении. Читая эксперименты некоторых моих зарубежных коллег, выдаваемые за новое слово в поэзии, я невольно испытываю опасение, что на нашем материке поэзия часть территории безжизненна.

ОТНОШЕНИЕ к слову — главное для человека моей профессии. Обретя Слово, человек стал человеком. Потеряв Слово, народ перестает быть народом.

Не так давно, отбирая произведения для нового сборника, я отметил: сколько, оказывается, написано мною за годы и десятилетия о Слове, о Языке, о Поэзии! Естественно, что эта тема всегда занимает литератора. Но со временем отношение к слову в стихе, как мне кажется, стало иным: строже, ответственнее. Можно ли не видеть разницы в ценности и значении слова в быденной речи и в художественном тексте? Можно ли не видеть различий в языке прозы и языке поэзии, где слово, как детонатор, должно взорвать строку?

В своих размышлениях я то и дело возвращаюсь к памяти к В. Маяковскому, искренним почитателем которого я имел счастье быть еще при его жизни. Сейчас все мы, поэты многонационального Советского Союза, называем себя его учениками и последователями. «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды», — сказал он.

Чтобы добиться наибольшей выразительности, яркости, поэтичности стиха, великий грузинский поэт Важа Пшавела широко пользовался горскими диалектами. Но только в стихе. В прозе его язык совершенно иной: чистый, прозрачный. Те же, кто пытается сегодня ввести диалект в поэтическую речь, невольно доказывают, что изменилось время, изменилась и поэзия. Сейчас стих вызывает в читателе отклик не только своим текстом, но и тем, что скрыто между словами, между строчками. Лет пятнадцать назад, обращаясь к поэтам, я писал:

Чрезмерных слов не говори
но пусть за ней — просторы непочаты,
чтоб кто-нибудь, держа свечу в руке,
нашел в себе все то, о чем смолчал ты.

Поэт погружен в стихию родного языка иногда настолько глубоко и полно, что даже овладение чужой разговорной речью дается ему с немалым трудом. Потому и не вспомню я ни одного поэта, который с равной силой создавал стихи на родном и чужом языке или даже переводил свои произведения, как это делают прозаики. Но это не означает, что поэт говорит только со своим читателем. Нет, он обращается ко всем народам, к человечеству. И тут делает свое дело художественный перевод. Мы, поэты братских литератур Советского Союза, особенно сильно ощущаем ту великую миссию, которую выполняют переводчики.

ПЕРЕВОД — всегда благородная литературная дружба. Отдать свой талант, вдохновение, наконец, физические силы и время ради того, чтобы на твоём родном языке прозвучало стихотворение, под которым стоит чужая фамилия! Уже само по себе это удивительное чудо самоотречения и щедрости, на которые идешь во имя любви и дружбы и которое поэтому тебя же обогащает. Шесть с половиной десятилетий советские литераторы совместными усилиями возводят здание нашей общей единой литературы, и важнейшая роль в этом принадлежит переводчикам. Мысленно перебираю замечательный список русских поэтов, послуживших тому, чтобы на их языке зазвучала моя родная грузинская поэзия. Какие имена, какие таланты! Как прекрасно продолжена эта благородная традиция лучшими представителями современной русской поэзии! Волею судеб мне довелось быть свидетелем и участником этого процесса взаимобогащения наших литератур. Но сейчас хочется сказать не об организационной стороне — съездах, совещаниях, изданиях и планах, а о той человеческой дружбе, которая сделала возможным и само творческое единство.

В селе Джугаани, в Кахети, в доме одного из старейших мастеров грузинской советской поэзии Сандро Шаншиашвили во время дружеской встречи поэты разных народов приняли и утвердили «манифест дружбы», о чем и была сделана торжественная надпись прямо на стене. Разумеется, тогда и сам «манифест», и надпись мы восприняли, как шутку. Но сейчас, вспоминая, какие авторграфы скрепили этот шуточный документ и какие реальные творческие плоды принесла подобная встреча, понимаю: так крепится наша дружба.

Одна из приметных строчек вписана в историю советской литературы поэтическим сотрудничеством С. Шаншиашвили и Н. Тихонова. Наши горы, перевалы, долины помнят, как проходил по ним пешком Николай Тихонов, увлеченный стремлением ближе узнать край. А Борис Пастернак, которого моя память сохранила не только в тиши кабинета, за письменным столом, но и в огненном цеху Зестафонского завода ферросплавов? А Константин Симонов, в тяжелую годину Великой Отечественной войны посетивший Тбилиси, в короткий миг своей корреспондентской перелышки? А Михаил Шолохов, благоговейно целующий натруженные руки наших сборщиц чая? А Аллоей Стуров, с которым пройден столько дорог у нас в стране и за ее рубежами? Говоря о переводе, как об акции реальной дружбы, хочу поделиться одним соображением, хоть и боюсь, что

могу вызвать неодобрение специалистов-теоретиков. Очень большая и, прямо скажем, трудноразрешимая проблема — овладение переводчиками языком оригинала. Все мы помним столько блестящих доказательств того, как талантливый переводчик-творец силой поэтической интуиции проникнул в глубины переводимого текста, даже когда ему приходилось пользоваться подстрочником. Однако никаким талантом не поможет без двух необходимых условий: квалифицированного подстрочника и знакомства переводчика с миром переводимого поэта — его страной, его народом, дыханием его речи, звучанием его стиха.

Многие хорошие мастера перевода оказали мне честь, обратившись к цинлу «По следам Руставели», который и сегодня остается для меня одним из главных среди всего, что я написал. Но, как мне кажется, лучше всего перевод удался А. Межирову. Очевидно, мысли и чувства, выраженные в этих стихах, оказались духовно и творчески близки и созвучны тому, что волновало ум и душу поэта в то время. Позднее и моему цинлу добавилось «еще одно стихотворение — «Голое у Голгофы». И естественно, я хотел, чтобы А. Межиров перевел и его. Однако он ответил, что настолько отошел, отделился от всей атмосферы этого цинла, что боится брать за новый перевод, и предложил обратиться к А. Тарновскому, которому, и счастью для меня, стихотворение оказалось близким по духу, и он перевел его, на мой взгляд, великолепно. Дело здесь не в моих оценках того или иного перевода, а в том, как важно быть художником, творцом и в переводческом творчестве, как важно находиться в стихии поэзии, к которой обращаешься. Я для себя подразделяю переводчиков на творцов, которые, вдохновившись оригиналом, умеют вздохнуть в него свою душу, заставить зазвучать на уровне высокой поэзии, и тех, кто выполняет свое дело добросовестно, высококвалифицированно, но порой

хании времени обеспечат этому произведению долгую жизнь. Василь Быков пишет своих бойцов и партизан самыми земными, подчеркнута обыденными красками, но в решающие мгновения жизни и смерти они возвышаются до логических героев. Или образ, созданный моим земляком Чабуа Амирэджиби, — Дата Таташхиа. Этот резонер-моралист, как говорили в старину, стал барцом против порабощения, нечестности и подлости.

Я ИСПЫТАЛ одновременно и удивление, и восхищение и радость за дело, которому служу, узнав о том, что в Пензе в связи с известным романом Даниила Гранина «Картина» решено создать музей одной картины — это будут шедевры из разных музеев страны.

Думаю, нравственная сторона жизни нашего общества берет все большее значение. Мы достигли ощутимого прогресса в материальной сфере, в науке и технике. Сегодня в каждой квартире хозяйка вооружена приборами и аппаратами, как хороший инженер. Что же говорить о технической вооруженности промышленных предприятий, сельского хозяйства! Трудно было представить себе, что древнейшее из всех человеческих ремесел — выращивание винограда и изготовление вина — могло подвергнуться механизации. А сейчас у нас в Кахети работает целая АСУ — «Ртвели» — автоматизированная система управления сбором и переработкой винограда в масштабе региона.

Но машинами и автоматическими системами управляет человек. Успех или неудача здесь решает его совесть, нравственное сознание. Грузинский кинорежиссер Отар Иселiani поставил в свое время на эту тему фильм «Листопад». Помню, что работники искусства во многих странах высказывали восхищение профессиональным мастерством, с которым сделана картина. Но зато многочисленные дельцы, хапуги — все, кто извратил священное понятие честного труда, обрушились на создателя картины, обвиняя их в клевете и антипатриотизме. Прошли годы. И все единогласно признают за этим фильмом наряду с кинематографическими и высокие гражданские достоинства. Но ни кино, ни литература не могут считать свою миссию выполненной, пока вокруг остаются люди, у которых в душе червоточина. Честным людям рано еще зачехлять ружья гражданской ответственности, которой одиноково должны служить и партийно-государственные деятели, и работники административных органов, и люди искусства.

Трудно даже представить себе, какая трагедия для всего человечества может произойти, если у кнопки, приводящей в действие самое разрушительное оружие всех времен, окажется безответственный, безответственный человек. Говорят, все виды оружия, изобретенные человечеством, пукались в ход. Люди мира должны все вместе поднять свой голос, чтобы эта страшная закономерность была пресечена. «Мир не станет сплошной Сахарой!» — когда-то написал я. Написал потому, что верю в силу человеческого разума, человеческой души, человеческого слова.

МОИ уважаемые собратья, поэты Страны Советов! Не отступайте ли и вы, что потребность в нашем слове растет с каждым годом? Сколько словесных турниров отшумело вокруг так называемой критической поэзии, сколько критических стрел было выпущено в тех, кто выступал в Политехническом и во дворцах спорта! Но ведь интерес к поэзии, к выступлению поэтов никем и никогда искусственно не подогревался. Ведь билеты на эти вечера не продавались в нагрузку.

Сейчас аудитория поэзии еще более возросла: миллионы зрителей у телеэкранов, слушателей у радиоприемников. У нас на грузинском телевидении ввели даже рубрику «5 минут поэзии». Ни один школьный вечер, ни открытие моста или библиотеки, ни одно важное мероприятие не обходится без обязательного участия представителя литературы. Конечно, приятно бывает сидеть в президиуме важного заседания. Но ведь бывает и наоборот — сетуешь, что тебя оторвали от письменного стола. Не так давно мне пришлось вновь потревожить великую тень Владимира Владимировича и написать старинное стихотворение о сегодняшних прозаедах наших. Но ведь нельзя отказываться, когда тебя приглашают, не сошлешься на прилив вдохновения. И ты идешь, сидишь, выступаешь отнюдь не из желания лишиться раз потешить свое тщеславие, а потому, что знаешь: к голосу писателя, к его слову прислушиваются, ему верят.

Никаким самым великим поэтам прошлого не снилась такая популярность. Но слава — это прежде всего ответственность за свое слово, твоё действие, даже за самый малый житейский поступок.